

Бэйюань разительно отличался от Юанюаня. Если в Южном саду дома были высокими и просторными, а дороги пролегали прямыми линиями, удобными для экипажей, то в Северном саду всё было иначе: извилистые ручьи, маленькие мостики, крытые галереи и дорожки, петляющие так, что до цели, которая, казалось бы, была совсем рядом, приходилось добираться долгим окольным путём. Чжэн Анья чувствовала себя неуютно и, мечтая поскорее отдохнуть, поспешила вместе со спутниками к месту своего размещения.

Их домом стал уединенный дворик под названием Сад Юлань. Гуй Чису повела слуг внутрь, чтобы навести порядок. Чжэн Анья уже собиралась войти следом, как вдруг услышала неподалеку чей-то смех:

— Смотрите, новенькие! Эй, девушка, вы откуда будете?

Обернувшись, она увидела группу ярко разодетых красавиц, которые махали ей рукой. Трое или четверо из них были в роскошных нарядах, с прическами, украшенными сложными золотыми заколками, а позади них стояли служанки.

Чжэн Анья развернулась и с улыбкой ответила:

— Приветствую вас. Мы из Государства Гаочан.

— Государство Гаочан? — зашебетали красавицы. — А где это? Никогда не слышали.

— Кажется, что-то припоминаю.

— Наверное, очень далеко отсюда, да?

Девушка, стоявшая во главе группы, спросила:

— Вы тоже приехали на праздничный фестиваль фонарей?

Чжэн Анья опешила:

— Фестиваль фонарей? Какой еще фестиваль?

Красавицы удивились еще больше:

— Как, вы даже не слышали о торжестве в честь начала самостоятельного правления Вана Бохая? Зачем же вы тогда приехали?

— Ты такая юная, небось, еще и церемонию совершеннолетия не проходила?

— Конечно, нет, ей на вид не больше четырнадцати.

Она сложила руки в приветственном жесте:

— Я Чжэн Анья, принцесса Государства Гаочан. По приказу нашего правителя я прибыла с посольской миссией, чтобы поздравить Вана Бохая с началом его правления. О фестивале фонарей я, к сожалению, ничего не знала, прошу прощения за неосведомленность.

— Что? Посольская миссия? — красавицы были поражены до глубины души. — Ты посол?

— Именно так. Разве что-то не так? — недоумевала Чжэн Анья.

— Разве это не мужское дело? Почему отправили тебя? К тому же ты еще не достигла совершеннолетия. Неужели в вашей стране не осталось мужчин?

Чжэн Анья спокойно ответила:

— В Государстве Гаочан почитают женщин, и наши правители, и чиновники — все женщины.

— Ого, вот это да!

— Чего только не бывает на свете!

— Сегодня я узнала нечто совершенно невероятное! — зашумели дамы.

— Но ты ведь выглядишь совсем ребенком, — заметила предводительница.

— Я действительно еще не достигла совершеннолетия, но я старшая принцесса, и мой долг — служить стране. У нас не нашлось более подходящей кандидатуры.

— И сколько же тебе лет?

— Тысяча семьсот двенадцать.

Как только эти слова слетели с ее губ, красавицы переглянулись:

— Тысяча семьсот... — зашептались они, прикрываясь рукавами. — Она вообще в своем уме? Что за бред она несет?

— И откуда только взялась эта деревенщина, называющая себя принцессой? Посмотрите на её одежду, это что вообще такое? У нас дочь любого лекаря, выходя в свет, окружена толпой слуг, а она привезла с собой лишь несколько человек, да и выглядят они как-то непонятно — ни то мужчины, ни то женщины.

— Ладно, забудьте, не будем тратить на нее время. Давайте лучше обсудим, что надеть на фестиваль. Говорят, сам Ван Бохай и вдовствующая королева будут присутствовать.

— Слышала, Ван Бохай — первый красавец Восточных земель? Как же я жду этого дня...

— Да-да, я тоже слышала. Какой он на самом деле? Неужели все легенды — правда?

Одна из жительниц Бохая недовольно заметила:

— Хватит грезить. Наш Ван — особа благородная, разве вы, девицы, можете на него претендовать?

— И что такого? Я же просто хочу взглянуть, неужели нельзя?

— В Бохае так много красавцев, за эти дни у меня уже глаза разбегаются. Ты говоришь, что ваш Ван — самый красивый, это правда или выдумки? Ты сама-то его видела?

Девушка ответила:

— У меня нет такой чести, я не видела Вана, но я видела его брата, Цинъюань-цзюня. Его внешность — это нечто божественное, он затмевает всех тех юношей, что вы видели на днях. А что касается Вана... говорят, даже Цинъюань-цзюнь рядом с ним меркнет.

— Не верю, не верю, что на свете есть мужчина красивее рассказчика, которого мы видели вчера, пока не увижу своими глазами.

— Знала, что не поверите. Скажу лишь одно: старшие служанки в дворце могут уходить домой и выходить замуж, но те, кто служил при Ване и вдовствующей королеве, почти никто не выходит замуж. Знаете почему?

— Почему?

— Потому что любая женщина, увидев Вана, навсегда теряет покой. После него любой другой мужчина кажется им уродливым.

— Не может быть! Это преувеличение!

— Чистая правда. У нас в Бохае, особенно в Линьцзы, даже поговорка есть: Увидев Вана однажды, теряешь сердце навсегда. Некоторые знатные семьи специально следят, чтобы их дочери не попадали на мероприятия, где бывает Ван.

— Ох, теперь мне стало еще любопытнее.

Когда девушки разошлись, Чжэн Аня со своими спутниками вошла во двор и устроилась на ночлег.

Спустя полдня служанка из почтовой станции привела женщину в чиновничьем облачении. Та заявила, что по приказу вдовствующей королевы должна пригласить Чжэн Анью во дворец для беседы.

Чиновница виновато произнесла:

— Прошу прощения, принцесса. Вы проделали долгий путь и должны были отдохнуть. Однако вдовствующая королева так тоскует по родным краям, что не смогла сомкнуть глаз и настаивает на встрече прямо сейчас. Надеюсь на ваше понимание. Поскольку вы здесь впервые и не знаете дороги, королева отправила Цинъюань-цзюня сопроводить вас. Он уже ждет у ворот.

Цинъюань-цзюнь? — подумала Чжэн Анья. — Не тот ли это человек, о котором судачили те женщины? Они говорили, что он брат Вана, но перед отъездом мать рассказывала, что у ее младшей сестры был только один сын. Как же так?

Размышляя об этом, она вышла из Бэйюаня и действительно увидела высокого мужчину в изысканном головном уборе и широких одеждах, стоявшего у экипажа. Почувствовав приближение людей, он обернулся. Ему было около двадцати лет, лицо безупречное, словно выточенное из нефрита, длинные брови, высокий прямой нос и губы, словно тронутые киноварью. Статный, как стройная сосна, — он был невероятным красавцем! Чжэн Анья, привыкшая за время пути видеть лишь усталых мужчин, внезапно почувствовала легкость на душе и необъяснимую симпатию. Цинъюань-цзюнь поклонился ей. Чжэн Анья, не зная его точного положения, решила, что раз он столь молод и уже носит титул, то наверняка принадлежит к высшей знати, и ответила вежливым поклоном.

Она не заметила, какой переполох вызвало появление Цинъюань-цзюня в Северном саду. Сидя в карете, она видела, как Цинъюань-цзюнь и Ду Сянчэн ехали рядом на лошадях. Она окликнула его, но когда он обернулся, не знала, что сказать. Спросить имя? Неудобно. Спросить возраст? Тоже неловко. Заметив ее смущенную улыбку, Цинъюань-цзюнь мягко произнес:

— Меня зовут Линь Чанье. Уезд Цинъюань — мое владение, отсюда и титул.

— Понятно. Вы из рода Линь, значит, вы из королевской семьи? — Чжэн Анья посмотрела на него и невольно воскликнула: — Вы выглядишь таким молодым!

— Я двоюродный брат Вана, мы выросли вместе. Что касается молодости... — Линь Чанье не сдержал смеха. — Принцесса, прошу прощения за прямоту, но разве не вы выглядите еще моложе?

Для кого-то другого эти слова могли бы показаться дерзостью, но Чжэн Анья не обиделась. Напротив, короткий разговор вызвал у нее симпатию к этому прямолинейному юноше.

— Я лишь выгляжу молодой, на самом деле мне уже более тысячи семисот лет, — ответила она.

— Что? Тысяча семьсот лет? Вы старше меня? — удивился Линь Чанье.

Чжэн Анья пояснила:

— У нас, гаочанцев, совершеннолетие наступает в две тысячи лет. А вам сколько?

— Мне? Тысяча пятьсот двенадцать.

Теперь удивился и Ду Сянчэн:

— У Цинъюань-цзюня тоже есть кровь гаочанцев?

Линь Чанье кивнул:

— Моя мать была гаочанкой, она служила фрейлиной у вдовствующей королевы и последовала за ней в Бохай.

Глаза Чжэн Аньи засияли, она хотела расспросить подробнее, но экипаж уже подъехал к дворцу, и им пришлось войти внутрь вместе с Линь Чанье и Ду Сянчэном.

Когда они предстали перед вдовствующей королевой Чжэн Хэцин, Чжэн Анья не успела даже закончить поклон, как та порывисто схватила ее за руки и принялась разглядывать:

— Анья? Ты так выросла? Это я, твоя тетушка! Когда я уезжала из Гаочана, тебе было чуть больше ста лет, я еще носила тебя на руках!

Чжэн Анья смотрела на женщину с добрыми глазами, так похожую на ее мать, и прошептала:

— Амиджи.

Услышав это обращение, Чжэн Хэцин не сдержала чувств:

— Спустя тысячу лет я наконец увидела родных! — Она крепко обняла племянницу и разрыдалась.

Видя горе вдовствующей королевы, все придворные прослезились, даже у Линь Чанье и Ду Сянчэна покраснели глаза. В этот момент раздался ясный голос:

— Что случилось?

Чжэн Анья услышала, как слуги произнесли «Ван», и поняла, что это Ван Бохая. Она поспешно отстранилась от Чжэн Хэцин и вытерла слезы. Не успела она опомниться, как королева подтянула ее к молодому человеку:

— Цин-гэ, это та самая старшая принцесса Гаочана, о которой я тебе говорила, дочь моей

сестры, Анья. Анья, это мой сын, Чанцин.

Чжэн Анья поклонилась по всем правилам:

— Посол Чжэн Анья приветствует Вана.

Линь Чанцин протянул руку, чтобы помочь ей подняться, но тут же отдернул ее:

— Сестренка, не нужно лишних церемоний, мы ведь свои. Впредь, когда мы наедине, зови меня просто братом.

Чжэн Анья замерла. Она лихорадочно перебирала в уме родственные связи двух королевских домов, глядя на мужчину, который был еще красивее, чем Цинъюань-цзюнь, и запинаясь ответила:

— Я... я...

Линь Чанцин, видя ее замешательство, подумал, что был слишком фамильярен:

— Прошу прощения, я просто почувствовал родство, поэтому так сказал. Если тебе неприятно, то...

Чжэн Анья, заметив, что он неверно истолковал ее молчание, поспешила объяснить:

— Нет, дело не в этом, просто... — она посмотрела на него, и ее вновь одолели сомнения, не ошиблась ли она, поэтому решила напомнить: — Ван, мне уже более тысячи семисот лет. — Увидев, что Линь Чанцин еще больше озадачен, она добавила: — Я... я старшая сестра.

Линь Чанцин был шокирован. Он широко раскрыл глаза:

— Ты старшая сестра? Ты...

Чжэн Хэцин хлопнула себя по лбу:

— Ох, Цин-гэ, я сама впала в маразм, и ты за мной! Я же говорила тебе, что чистокровные гаочанцы взрослеют лишь к двум тысячам лет, не то что вы с Е-гэ, которые повзрослели в полторы тысячи. Она действительно твоя старшая сестра. Когда она родилась, я еще не была замужем, как же ты можешь быть старше ее?

Линь Чанцин покраснел, неловко извинился перед Чжэн Аньей и с трудом заставил себя назвать ее сестрой. Ду Сянчэн с трудом сдерживал смех, а Линь Чанье и вовсе расхохотался. Чжэн Хэцин, пребывая в отличном настроении, все расспрашивала племянницу о жизни в Гаочане и рассказывала о своих годах в Бохае. Они проговорили до позднего вечера, и королева настояла, чтобы Анья осталась во дворце. Ду Сянчэн, видя такое радушие, хотя это и шло вразрез с протоколом, согласилась и вернулась на стан одна.

Следующие несколько дней Чжэн Анья провела во дворце с тетушкой. Чжэн Хэцин, накопившая за долгие годы столько слов, наконец нашла внимательного слушателя. Так Чжэн Анья узнала всю историю Бохая.

Более полутора тысяч лет назад вторая принцесса Гаочана, Чжэн Хэцин, полюбила молодого Вана Бохая. Они преодолели множество преград и вскоре стали родителями. В те времена Бохай был могущественен, соседние страны присылали дары. Но счастье оказалось недолгим: проблема была в происхождении. Ван Бохая был человеком и, прожив семьдесят лет, скончался. Их единственный сын, Линь Чанцин, из-за божественной крови рос очень медленно, и когда он едва научился говорить мама и папа, его отец уже ушел из жизни.

В королевском роду Бохая нашлось немало честолюбцев. Как только старый Ван испустил дух, они, прикрываясь заботой о государстве, захватили армию и двор, заточив Чжэн Хэцин с сыном и устроив охоту на верных сторонников покойного правителя. В критический момент фрейлина королевы, Ду Инь, вышла замуж за члена королевской семьи и разработала план побега. Но ее предали, объявили Чжэн Хэцин предательницей и отправили погоню. В отчаянии Ду Инь отдала своего маленького сына, Линь Чанье, на попечение королеве, а сама надела ее корону и, уводя за собой отряд преследователей, пожертвовала жизнью. После ее смерти Чжэн Хэцин с верными людьми и двумя младенцами на руках уплыла в море и после долгих скитаний нашла приют на острове. Местные жители, добрые и простодушные, приняли их, и королева забыла о своем титуле, работая наравне со всеми. Шли годы, спутники королевы старели, а она оставалась молодой. Островитяне, видя, что она не стареет, приняли ее за божество, а детей — за бессмертных отроков.

Так Чжэн Хэцин прожила на острове более тысячи трехсот лет, пока однажды к берегу не подошел огромный флот во главе с генералом по фамилии Вэй, который объявил себя потомком верного слуги старого Вана и предложил Линь Чанцину вернуться на трон. Он рассказал, что после их исчезновения страна погрузилась в хаос и междоусобицы. Народ, уставший от войн, начал вспоминать времена старого правителя, и легенда о его бессмертных жене и сыне стала для людей надеждой. Генерал Вэй, следуя чаяниям народа, нашел их. Чжэн Хэцин понимала, что все не так просто, но жизнь на острове стала для нее невыносимой, и она согласилась вернуться на материк с сыном и Линь Чанье, которым было уже за тысячу четыреста лет.

Как и ожидалось, генерал Вэй оказался честолюбцем. Его армия была сильна, но дисциплина отсутствовала, а государственное управление он не тянул. Ему нужен был символ, знамя, и Линь Чанцин стал этим знаменем. Впоследствии Вэй захватил земли Бохая, провозгласил себя премьер-министром и стал фактическим правителем, а Линь Чанцин — лишь марионеткой, божеством, которому поклонялись, но которому не позволяли решать государственные дела.

К счастью, премьер-министр Вэй был смертным человеком. Через несколько десятилетий он и его клика умерли, а Линь Чанцин и Линь Чанье повзрослели и обрели силу. Год назад, благодаря стараниям Чжэн Хэцин и поддержке Линь Чанье, они избавились от коррумпированных чиновников, и Линь Чанцин начал править самостоятельно.

Вспоминая те тяжелые годы, Чжэн Хэцин не могла сдержать слез:

— Как же мне было трудно... по-настоящему трудно...

Чжэн Анья, не в силах видеть страдания тети, попыталась сменить тему:

— Амиджи, вы сказали, что мать Цинъюань-цзюня носила фамилию Ду? Моя заместительница тоже из рода Ду, может, они родственницы?

Чжэн Хэцин велела немедленно пригласить Ду Сянчэн. Как оказалось, мать Линь Чанье, Ду Инь, была родной сестрой матери Ду Сянчэн, Ду Мэйюй. Они оказались двоюродными братом и сестрой! Чжэн Анья все поняла: не зря она почувствовала родство при первой встрече с Линь Чанье. А Ду Сянчэн и Линь Чанье, уже успевшие подружиться за пару тренировок и посиделок с вином, теперь обнялись и заплакали. Узнав, что ее тетя и дед живы, Линь Чанье со слезами на глазах воскликнул:

— Оказывается, у меня так много родных!

Эти слова вновь напомнили Чжэн Хэцин о погибшей Ду Инь, и она, прижав к себе Линь Чанье и Ду Сянчэн, снова разрыдалась.

<http://bllate.org/book/21787/2253478>